

«Слово С. Ф. Ольденбурга при погребении академика О. А. Баклунда»

21 августа 1916 г.

Когда смерть встает перед нами, чтобы разлучить с теми, кого мы любим, с кем жили и работали, мы невольно оглядываемся на прошедшую жизнь, она проходит перед нашими глазами вся в несколько мгновений, мы переживаем вновь наши встречи с тем, кого лишились, слышим его голос, видим перед собою его чувства, мысли и дела. В этой способности помнить ярко и сильно — наше оружие в борьбе с ужасом смерти, в этой памяти о том, кто ушел от нас, лежит чувство, что жизнь и смерть одно, что любовью мы сковали раз навсегда то единение между живыми и мертвыми, которое не разорвет никакая разлука. Тот, кого мы провожаем сегодня в последний раз, был так полон жизни и любви, что, прощаясь с ним, мы меньше всего думаем сегодня о смерти. Кругом нас те, кого он любил, кругом нас то, что он любил. В Пулкове он жил, в Пулкове и остается. Здесь он жил тем, что для него было дороже всего — наукою. Для человека сильного и яркого, каким был он, наука должна быть особенно дорога: неуклонное искание истины, непрестанная борьба за расширение пределов нашего познания — вот чем является жизнь ученого, вот что было основой и его жизни. И где же лучше, чем здесь, в обители науки, мог он работать? Оттого так и любил он Пулковку, так стремился к нему, где бы он ни был. Когда его трудами создались новые обсерватории в Симеизе и Николаеве, он перенес в них Пулковский дух — жизни для науки. Специалисты оценили то, что он сделал для нее, они дадут полную и справедливую характеристику научной деятельности Оскара Андреевича, но мне бы хотелось сегодня напомнить вам об одном эпизоде его жизни, который ярко рисует его высокое понимание значения науки и его обязанностей как академика и директора Пулковской обсерватории. Это было несколько лет назад — проходили в междуведомственном совещании новые штаты Пулковской обсерватории. Представитель финансового ведомства указывал на крупные новые ассигнования и настаивал на сокращении пулковских штатов. Оскар Андреевич внимательно слушал и затем попросил слова: «Я преклоняюсь перед заявлением представителя правительства, который указывает, что Государственное казначейство не может нести расходов на обсерваторию, испрашиваемых нами и, конечно, не нам, людям науки, стоящим далеко от вопросов государственных, настаивать на нашем ходатайстве. Но я не исполнил бы своего долга как ученый и как директор обсерватории, если бы не доложил совещанию о последствиях имеющего быть принятыми решения: с основания своего Пулковская обсерватория была первоклассной обсерваторией и вела соответствующие научные работы, для возможности продолжения этих работ мы и просили о новых штатах. Теперь мы знаем, что Государственное казначейство не может дать средств для содержания первоклассной астрономической обсерватории в России: мы откажемся от части работ, и она станет второклассной обсерваторией с уменьшенными задачами. Верьте, что, что бы мы не чувствовали, мы эти более скромные работы будем вести с пулковской добросовестностью, как мы вели и большие работы». Излишне говорить, что после этих слов Оскара Андреевича новые штаты прошли единогласно; он не ошибся — Россия может и должна иметь первоклассную обсерваторию. В этой речи Оскара Андреевича весь человек — верный науке и долгу.

И вот, когда я оглядываюсь кругом и вижу Пулковую и сотрудников ушедшего, я говорю: он жив, и то, что он ушел, есть только новая страница его жизни, страница, которая верно скоро откроется и для многих из нас, и дай Бог, чтобы каждый мог это сделать с тем же спокойствием и с той же чистою совестью, как это сделал наш товарищ.

СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 387. Л. 1–4. Черновик. Автограф.

Оскар Андреевич Баклунд: биографическая справка

О. А. Баклунд родился и вырос в Швеции, по окончании в 1872 г. университета в Упсале стал ассистентом Стокгольмской астрономической обсерватории. В 1876 г. перешел в Дерпт профессором астрономии и математики, а в 1879 г. поступил в Пулковскую обсерваторию адъюнкт-астрономом.

Математик по призванию, Баклунд работал преимущественно по теоретической астрономии. Почти всю жизнь он посвятил исследованию кометы Энке, открытой в 1818 г. берлинским астрономом И.-Ф. Энке, который обнаружил в ее движении неправильности, не объяснимые законом всемирного тяготения. По словам коллеги Баклунда Ф. А. Бредихина, «17 лет настойчивого классического труда было отдано им (Баклундом — *Е. Б.*) исследованию упорно сопротивлявшихся анализу возмущений в движении знаменитой кометы Энке-Баклунда. Труд этот увенчался полным успехом и приобрел автору заслуженный авторитет»¹. За заслуги в исследовании кометы Энке Академия наук приняла решение именовать ее в своих изданиях кометой Энке-Баклунда.

В 1880 г. академик О. В. Струве вместе с академиками П. Л. Чебышевым и А. Н. Савичем предложил избрать Баклунда на вакансию адъюнкта, однако момент для представления оказался очень неудачным. Выдвижение молодого шведского ученого, не говорившего по-русски, совпало с наделавшим много шума неизбранием в Академию Менделеева и произвело на некоторых ее членов впечатление «неудобопереносимого оскорбления достоинства русской науки»². Хотя Баклунд был избран Физико-математическим отделением, он был забаллотирован Общим собранием. Зато в 1883 г. по предложению Струве Баклунд был избран сразу в ординарные академики.

Прошли годы, и в 1895 г. Баклунд стал директором Пулковской обсерватории. Баклунд проявил себя как широко мыслящий ученый и талантливый администратор и на протяжении 21 года очень успешно управлял обсерваторией. При Баклунде Пулковская обсерватория продолжала разрабатывать все отрасли астрономии и принимала участие в крупных международных проектах.

В короткие сроки были обработаны наблюдения для каталогов абсолютных прямых восхождений и склонений звезд для эпох 1885 и 1905 гг. На очереди стоял каталог для эпохи 1930 г., но Баклунд организовал наблюдения для составления промежуточных каталогов 1900 и 1915 гг. Второй

¹ Протоколы заседаний ФМО. Заседание 14 декабря 1894. § 464.

² *Бутлеров А. М.* Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге? // Сочинения. М., 1958. Т. 3. С. 128–129. Подробнее см.: *Дмитриев И. С.* Скучная история // Человек эпохи перемен: Очерки о Д. И. Менделееве и его времени. СПб., 2004. С. 397–458.

промежуточный каталог (1915)³ был создан в результате международного соглашения, принятого в 1909 г. на конгрессе по Карте неба в Париже. По предложению Баклунда пулковский список был принят в качестве международного списка фундаментальных звезд фотографической карты неба и впоследствии получил название списка Баклунда–Хофа (астроном С. Хоф был директором Капской обсерватории на мысе Доброй Надежды и дополнил пулковский список звездами южного неба).

В Пулковской обсерватории развернулись астрофизические исследования прежде всего по фотографированию и спектральным наблюдениям Солнца, и в 1896 г. Баклунд отправился на Новую землю наблюдать солнечное затмение. В 1904 г. в Сент-Луисе (США) представителями ученых учреждений разных стран был образован Международный союз по исследованиям Солнца, и Баклунд представлял в нем Россию. По его предложению в том же году было создано Русское отделение Международного союза по исследованиям Солнца, председателем которого был избран астрофизик, академик А. А. Белопольский.

Пулковской обсерватории принадлежала большая роль в подготовке геодезистов и топографов в России. Последняя большая геодезическая работа, выполненная сотрудниками Пулковской обсерватории, состояла в измерении совместно со Шведской академией наук самой северной триангуляции на Шпицбергене в 1899–1902 гг. Во время этой экспедиции Баклунд руководил всеми астрономо-геодезическими работами и обработкой полученных результатов.

Пулковская обсерватория участвовала в международных работах по преобразованию службы времени. В 1912 г. на конференции в Париже Баклунд был избран председателем Международного бюро времени, а в 1914 г. в Пулкове начались приемы специальных «ритмических» сигналов времени, передаваемых по радио с Эйфелевой башни. Начало Первой мировой войны прервало развитие этих работ, и в нашей стране регулярные радиопередачи точного времени впервые были организованы в конце 1920 г.

При Баклунде Пулковская обсерватория обогатилась новыми отделениями на юге России. В 1898 г. было основано отделение в Одессе, которое располагалось на территории астрономической обсерватории Новороссийского университета. В 1909 г. Одесское отделение было перенесено в Николаев, где были похожие климатические условия. В 1908 г. Н. С. Мальцев принес в дар Пулковской обсерватории свою астрофизическую обсерваторию на Крымском побережье Черного моря в Симеизе. В начале 1912 г. Симеизская обсерватория включилась в международную программу наблюдений малых планет и комет.

Окончательное оформление новых отделений Пулковской обсерватории в Николаеве и Симеизе произошло в июне 1912 г., когда вышел «Закон об упразднении одесского отделения Николаевской главной астрономической обсерватории и об учреждении двух новых отделений последней в городе Николаеве и в местечке Симеизе». Еще раньше, в 1909 г., Баклунд выхлопотал новый штат и для Пулковской обсерватории, который увеличил научный персонал на одну должность старшего астронома, а весь личный состав — до 17

³ Он содержал слабые звезды от 5-й до 7-й величины, равномерно расположенные по северному небу, и пулковские фундаментальные звезды.

человек. Значительно увеличился и ежегодный бюджет обсерватории (до 86 900 руб.), который не менялся с 1887 г.

В августе 1914 г. предполагалось отпраздновать 75-летний юбилей обсерватории. К этой дате было приурочено проведение в Петербурге и Пулковке международного съезда Астрономического общества, однако Первая мировая война помешала осуществить эти планы.

Во время Первой мировой войны на Академию наук обрушился шквал обвинений в ее якобы немецкой ориентации; ей ставили в упрек обилие немецких имен в списках почетных членов и членов-корреспондентов (свыше 25 процентов), обвиняли «василеостровский Ватикан» в «лакейском прислужничестве перед немцами», в атрофии патриотических чувств и гражданственности⁴. Факты повседневной научной практики в свете военных событий преподносились как акты пособничества враждебной Германии. Даже вспомнили о том, что перед началом войны директор Пулковской обсерватории академик шведского происхождения Оскар Баклунд передал рукописи Кеплера для временного пользования астрономам в Берлине. Целиком его стараниям журналисты приписывала передачу немецким геодезистам в 1910 г. военного транспортного судна «Прут» для производства геодезических исследований и съемок на нашем черноморском побережье. Гибель этого корабля была одним из первых событий Первой мировой войны⁵.

Баклунд очень тяжело переживал эти несправедливые обвинения. Сотрудница Пулковской обсерватории М. Жилова вспоминала об этом тяжелом для него периоде: «Все время он старался поддерживать равновесие отношений между различными направлениями жизни и нарушение равновесия его более всего волновало. Он всегда старался сгладить обостряющиеся отношения людей, прибегая для этого даже к крутым мерам, но всегда был удивительно справедлив. „Не соединимое — не соединишь“, — вот что более всего его беспокоило. Будучи мировой научной величиной — 1-ым авторитетом по небесной механике в настоящее время, он, конечно, жил ученой жизнью всего мира. Нарушение мирового равновесия, вызвавшее настоящую ужасную войну, не могло не отразиться сильно на его натуре. Да кроме того и обязанности директора, хотя он и любил их, в это тяжелое время, конечно, волновали его. Часто люди, не зная условий и личностей, обвиняют других, это всегда неприятно, но если это происходит в такое беспокойное время, как теперь, — это становится мучительным, но еще большее горе охватывает человека, если он видит, что честные, хорошие люди поддаются влиянию темных интриг. Так все газетные обвинения Пулковской обсерватории в ее немецком направлении для него были невыносимы. Он высоко ставил русских людей, именно им он открывал свои самые заветные научные мечтания»⁶. Эти слова были сказаны во время погребения О. А. Баклунда на Пулковском кладбище 21 августа 1916 г.

Публикацию подготовила Е. Ю. Басаргина

⁴ Незнамов. Наука и гражданственность // Новое время. 19 января 1915 г.

⁵ Какому отечеству служат немцы — члены Российской Императорской Академии наук?! // Там же. 2 марта 1915 г. № 13999.

⁶ ПФА РАН. Ф. 707. Оп. 2. Д. 32. Л. 38 об.